

Концептуализация страдания в междисциплинарных исследованиях

Евгений Александрович Попов – доктор философских наук, профессор кафедры социологии и конфликтологии. Алтайский государственный университет. Барнаул, Россия.

E-mail: porov.eug@yandex.ru

Аннотация. Тема страдания получает свое раскрытие в рамках междисциплинарных исследований. Приоритетом служат результаты изучения данного феномена философами, социологами (социология страданий), культурологами. Междисциплинарный аспект позволяет взглянуть на проблематику страдания с точки зрения его пределов и субъектности. В свою очередь именно эти характеристики направлены на выявление особенностей, связанных с переживанием бытия, откликом на конфликтность, социальную и политическую напряженность в мире и конкретных локусах. В то же время акцент в статье сделан на сравнении работ социологов и философов и прежде всего Мишеля Фуко в его концепции биополитики. Кроме того, анализ материала был проведен с использованием двух ключевых подходов – интериоризационного и социокультурного. Первый ракурс открывает перспективы исследования страданий как результата накопленного субъектом социального и экзистенциального опыта. Второй подход позволяет выявить ценностно-нормативное содержание человеческого страдания. В конечном итоге основной вывод сводится к необходимости комплексного анализа страданий.

Ключевые слова: страдание, социальный опыт, экзистенциальный опыт, Фуко и биополитика, интериоризация, социология страданий.

Введение

СТРАДАНИЕ – сложный для исследований феномен; его концентрация на индивидуальном или коллективном уровнях бытия затрудняет его рецепцию в силу нескольких обстоятельств:

(1) данное состояние является «производным» экзистенциального и социального опыта субъекта – вероятно, оно «скрывается» между ними; социальный опыт манифестирует страдание на уровне переживания социальной реальности, в то время как экзистенциальный опыт замыкает страдание на самом субъекте, его внутреннем мире (Попов 2024); в «чистом виде» страдание возникает как отклик на приобретение субъектом в равной степени и положительного, и отрицательного опыта восприятия и интерпретаций реальности; при такой трактовке страданий необходимо применять прием «конгруэнции интериоризаций» (Wilkinson 2021), который позволяет объективировать страдание; однако не все исследователи склонны использовать данную возможность в силу междисциплинарной спецификации предлагаемого исследовательского приема;

(2) страдание рассматривается через призму его субъектности, что предполагает установление его «пределов» (Попов 2022b), а также границ субъект-субъектного и субъект-субъективного выражения; из-за неопределенности, возникающей по поводу идентификации страдания с этой точки зрения, некоторые научные области не могут, используя свою методологию, выявить такие «пределы» и главное – установить их влияние на субъекта; по Аристотелю,

понять удовольствие и страдание – задача для философствующего о государственных делах, кто словно зодчий воздвигает [высшую] цель, взирая на которую мы определяем каждую вещь как зло или как благо в безотносительном смысле. Кроме того, внимательно рассмотреть это – одна из необходимых [задач] (Аристотель VII: www);

следовательно, миссия философии (не только, разумеется, мыслящей о государственных делах) – понять страдание;

(3) страдание может быть коллективным (социальным), но чаще всего идентифицируется как «индивидуальный феномен» (Kourdis

2018: 320); в таком случае оно может возникать как результат того, что субъект берет на себя ответственность за происходящие вокруг него события, интерпретирует их с точки зрения негативных и приносящих лично ему вред, что способствует формированию страдания; но проблема кроется и в том, что совокупность индивидуальных страданий бесосновательно относить к коллективному как выражению такой совокупности, а значит, исследователи, затрагивающие в своих работах данный аспект, способны столкнуться со сложностями, вызванными таким развертыванием страдания.

По меньшей мере три приведенные причины создают сложности в изучении страдания, но, конечно, это не только не останавливает ученых, а, напротив, подогревает их интерес. По мнению Шарля Жюслена, автора эссе «Человек страдающий», существует ряд актуальных вопросов «Каков этот страдающий человек, с которым мы постоянно сталкиваемся в нашей практике? Что в нем изменилось? Что в нем сломалось?» (Жюслен 2023: 132), ответы на которые должны быть предложены современными исследователями.

С учетом сказанного, проблема, к решению которой мы подходим в настоящей статье, связана с отсутствием четкой направленности в концептуализации страдания как человеческого опыта. Именно с этой точки зрения – *интериоризационной* – мы покажем некоторые возможности такой концептуализации, чтобы убедиться в необходимости развертывания страдания в социально-гуманитарном ключе или же социокультурном. Поэтому два основных подхода используются в тексте – *интериоризационный* и *социокультурный*; они позволяют осмыслить феномен страдания с позиций его субъектности и предельности. На самом деле, следует иметь в виду, что страдание почти всегда способно ускользнуть от исследователя в силу того, что «оно растворяется не в человеке, а вокруг него и просачивается в круг проблем, далеких от самой природы страдания, – экономических, политических и иных» (Gordon 2021: 141). Вместе с тем, разумеется, следует делать оговорку: страдание в человеческом опыте связано с переживанием субъектом сложных социальных явлений, часто катастрофического или конфликтного происхождения, поэтому в полной мере абсолютизировать страдание как данность, априорность, как некую меру вещей в феноменологическом смысле вряд ли возможно и необходимо. Тем не менее широкий контекст проявлений

страдания раскрывает возможности «прицельного» исследования, в частности, такого, которое предлагается в настоящей статье.

Таким образом, целью работы становится раскрытие содержания феномена страдания как объекта междисциплинарных исследований – будет показан результат такого осмысления в рамках социологического знания, оценен подход М. Фуко к страданию (здесь важными станут его замечания о биополитике, способствующей многократному увеличению страданий). В конечном итоге для всех этих исследовательских ракурсов при всем их несовпадении объединяющим моментом станет апелляция к интериоризации страдания, к его опытной рецепции и рефлексии субъекта. С этой точки зрения лишней раз может найти подтверждение идея о том, что страдание может осмысливаться не только как данность, по представлениям ряда специалистов, занимающихся указанной проблематикой, но и как квинтэссенция человеческого опыта, возникшего и в силу личностных переживаний бытия субъектами, и как их персонализированная или же обобщенная реакция на социальную неуравновешенность и напряженность.

Социология страданий

После выхода в 1925 году известной книги Франца Мюллер-Лиера «Социология страданий» (Мюллер-Лиер 1925) был дан отчет исследованию страданий в социологическом ключе. И хотя в этой работе немецкого невролога (а не социолога) явно прослеживается социально-медицинская тональность в идентификации страданий, все же им был сделан неоценимый вклад в исследование столь сложного социального и индивидуального феномена. Ученый предложил сделать акцент на попытке

создания всеобщей патологии, социологической патологии, выходящей далеко за границы медицины, в которой последняя займет лишь скромное место; необходимо попытаться создать «большую медицину», которая подвергнет научному исследованию все общие страдания и бедствия, свойственные человеческому обществу и индивидууму (Мюллер-Лиер 1925: 24).

Вместе с тем исследователю был не чужд эмоционально-чувственный ракурс в оценке страданий:

...страдание так же, как и радость, всецело зависит от личного настроения и изменчиво в связи с возрастом, полом, эпохой, местопребыванием и даже в зависимости от различных мимолетных переживаний (Мюллер-Лиер 1925: 32).

И все же в разрезе социологии страданий, так как ее видит Мюллер-Лиер, главная проблема состоит в вычленении страданий из «коллекции всех страданий» (Там же: 40) – возможно, мистических, метафизических (как данность и сущее), как отклик на проявления Зла и т.д. Но уже сама по себе возможность выделить страдания из массы других состояний указывает на путь объективации исследуемого явления, что важнее всего для социологии, стремящейся к определению четких границ социальных феноменов и процессов. Однако прежде чем в рамках социологии страданий сформируется соответствующее направление теоретических и эмпирических исследований, она должна отразить философский (философско-антропологический) уровень рецепции страдания, обратиться к его «предельности». Но в том-то и дело, что философия заметно расширяет поле исследований, по сути, представляя страдание как априорность (предзаданность) в человеческом бытии. На этот счет австрийский исследователь Альфред Лэнгле выразился следующим образом:

...персональное страдание из-за самоотчуждения, Не-Бытия-самим-собой: это страдание от потери идентичности – того, что является существенным для исполненной экзистенции, конгруэнтности с самим собой <...>. Это случается, когда другие нас обесценивают, не видят нас, насмеются над нами, нарушают нашу интимную сферу, наши границы, обходят нас, а также, когда мы переживаем несправедливость или когда мы сами несправедливы по отношению к другим, когда из-за плохого обращения с другими нас мучают угрызения совести. <...> Экзистенциальное страдание из-за тщетности, бессмысленности. Это страдание от потери ориентации, от отсутствия более широкого контекста, в котором мы могли бы понять нашу жизнь и наши действия, от отсутствия успеха, от бессмысленной фатальности» (Лэнгле 2016: 24).

Философия расширяет исследовательское поле, а для социологии важнее ее сужение – границы или «пределы» страданий так более надежным образом объективируются. В этом смысле между двумя ключевыми областями знаний существует выраженная дистанция.

Между тем в дискурсе этики страдание идентифицируется через экспозицию Зла и Добра:

Страдание – единственное на свете чистое, неосложненное зло. Заблуждение, зло ума, порождает другое заблуждение. Грех порождает грех, укрепляя привычку к нему и ослабляя совесть. И страдание, и заблуждение, и грех могут повторяться, если повторилась причина (для греха – искушение, для ошибки – усталость или что-нибудь еще, хотя бы опечатка, для страдания – болезнь или чья-нибудь злая воля). Но страдание не плодится, не порождает зла. Если оно прошло – оно прошло и сменилось облегчением. Исправляя ошибку, вы должны не только устранить привычку или причину, но и переменить мнение; исправляя грех, вы должны раскаяться. И там, и тут нужно что-то переделать, выправить, иначе снова и снова, до конца времен, будут возникать грехи и ошибки (Льюис 1992: 421).

В философском ракурсе, как видим, акценты переносятся с субъекта страданий на факторы внешнего мира или бытия – даже экзистенциальный «вектор» проявляется из-за тщетности мира и его рутинности.

Возможно, более выраженными «пределами» человеческого страдания выглядят в русле медицинской антропологии; здесь страдание рассматривается с точки зрения переживания боли и определения ее роли в формировании здоровья/нездоровья индивида. И хотя это не единственный аспект концептуализации медицинской антропологии, однако он оказывается одним из ведущих (Лехциер 2017; Caplan 2000; Farmer 1997; Kleinman, Kleinman 1997; Kleinman, Kleinman 1991).

Очевидно, что внимание к страданию как объекту междисциплинарных научных исследований не только не ослабевает, но и в значительной степени возрастает по различным причинам. Не последнюю роль играет масштабирование процессов и состояний катастрофизации бытия, кризисности ценностно-смысловых структур, а также в силу известных международных событий, имеющих политическую и экономическую детерминацию. К этому ракурсу близки социологические исследования. Они опираются в том числе на

триадность ипостасей бытия – в ней особое место занимает именно страдание.

В научном дискурсе, посвященном страданию, возведена своеобразная триада, которая на протяжении длительного времени, по сути, в течение всего двадцатого и текущего столетий обрела свою устойчивость и содержательную наполненность: *страдание – риск – боль* (Попов 2022а; Kleinman, Kleinman 1997; Good 1994). Благодаря этой системе координат сформировались и стали развиваться соответствующие отрасли социологического знания: социология страдания, социология риска (как вариант: рискология), социология боли, увеличился теоретико-методологический и эмпирический потенциал социологии в изучении страдания и связанных с ним феноменов. Указанные отрасли не только дополняют друг друга, поддерживая смысловую нагрузку приведенной триады, но и обеспечивают появление новых исследовательских направлений. В их рамках решаются ключевые социальные проблемы, связанные со страданием, риском и болью. На основе изучения имеющихся в науке подходов можно представить точки сопряженности отраслей социологии и оценить их научный статус.

Таблица. Сравнительный анализ отраслей социологии в триаде «страдание – риск – боль»

	Основание для сравнения	Социология страдания	Социология риска	Социология боли
1	Объект исследования	страдание как состояние переживания бытия, вызванного социальным потрясением или риском, опасностью, болью, страхом и т.д.	риск как состояние переживания бытия, связанного с направленной реакцией субъекта на провоцирующие факторы	боль как состояние переживания бытия, формирующее устойчивые стереотипы восприятия напряженной реальности и ответы на ее вызовы
2	Примерный период возникновения	начало XX века	середина XX века	конец XX в. – начало XXI в.

3	Цель отрасли знаний	рецепция страдания как обобщение социального опыта	оценка рисковенных (или рискованных) социальных практик или действий, снижающих риски	идентификация боли как ответной реакции на социальные обстоятельства
4	Обобщенный методологический ракурс	системный подход	структурно-функциональный подход	междисциплинарный подход
5	Представители отрасли знаний	П. Бурдые Ж.К. Ларше К. Льюис Ф. Мюллер-Лиер И. Уилкинсон К.Г.Фрумкин	У. Бек Р. Бойн М. Дуглас Ф. Фуреди С. Хаймер	М. Гуд С. Зонтаг А. Клейнман П. Рейнольдс

Как видим, все указанные отрасли социологии тесно взаимодействуют друг с другом. При этом важное место в идентификации страданий занимает опыт человека. В рамках социологического знания такой подход – интериоризационный – позволяет приблизиться к объективации страданий. Выделим некоторые акценты в такой концептуализации:

(1) Страдание рассматривается в дуальной системе ценностных структур самовыражения и выживания, по Р. Инглхарту и К. Вельцелю (Инглхарт, Вельцель 2011): индивидуальное страдание является следствием экзистенциального опыта индивида в переживании бытия – в таком случае формируется ценностная структура самовыражения (страдание может проявляться в творчестве, в сложившемся отношении к реальности, в межличностных отношениях и т.д.); коллективное страдание проявляется как данность социального опыта субъектов, и этот опыт способствует выживанию в условиях конфликтности, кризисности, ценностных трансформаций и т.д.;

(2) Страдание предстает как отклик на событийность: событие формирует опыт, а его аккумуляция вызывает в исторической памяти или представлениях субъектов отношение к конкретному

событию или их цепи – катастрофизация события влияет на возникновение страданий;

(3) Социология «апеллирует» к риску и боли: в триаде со страданием эти составляющие человеческого индивидуального и коллективного бытия выступают как стимулы социальных действий, в том числе страдание, по мысли Тани Богуш,

развертывается как способ противостоять страданию, а следовательно оно заметно более других социальных факторов объединяет субъектов ради такого сопротивления (Bogusz 2022: 127).

Деятельностный аспект раскрывал еще Аристотель в «Никомаховой этике», полагая в книге десятой, что

...страдания, связанные с деятельностями, оказывают на них противоположное воздействие, а «связанными» я называю те <...> страдания, которые возникают от самой по себе деятельности (Аристотель VI: www).

Таким образом, в социологии внимание к страданию с разных позиций определяет возможности для объективации исследуемого феномена в ракурсе человеческого опыта. Однако не только социологи обращают внимание на страдание, но также в рамках некоторых отдельных социогуманитарных направлений формируется взгляд отдельных авторов-исследователей на проблематику страданий. Это несомненно относится и к Фуко.

Страдание и биополитика (Фуко)

В свое время Фуко сделал ставку на биополитику – в его изложении она превратилась в беспрецедентное противостояние двух субъектов бытия – человека и власти: бионачало в человеке сопрягалось с силой и духом власти. Стало ли конгруэнтным такое сопряжение? Бесспорно – биополитика оказалась действенным инструментом власти только в силу того, что обратилась не к социальной или идейной позиции человека, а к его «бионачалу». К желаниям властвовать самому, обеспечить властный фундамент своему роду (или племени), к стремлениям подчинять себе волю других и демонстрировать силу и

превосходство над другими – одним словом, к тем качествам, которые прочно закреплены и соответствующим образом проявляются в биологии человека. Во всех иных случаях политика всегда становится самодостаточным феноменом, существующим как будто бы во внесубъектном измерении.

С биополитикой все обстоит иначе: она не ставила цель предложить аргументы для переустройства мира, трансформации политических смыслов бытия (например, демократии, олигархии и т.д.) – она поглощала человека в его естестве как биологического субъекта, но такого, в котором значение имеет вовсе не течение крови, репродуктивное поведение или старение организма, а желание обрести безграничную власть. Можно ли в таком случае утверждать, что биополитика – это охота на человека, на такие его качества, которые можно подчинить себе, не выстраивая при этом сложных идеологических и воле-силовых конструкций? В обычной политике они как раз приобретают атрибутивное свойство, но в биополитике – нет; здесь объектом выступает нечто иное, чем притязания на социальную справедливость, равенство или тому подобные системно-социальные построения.

Поэтому ответ: «да» – биополитика ведет такую охоту.

Фуко сам расставил здесь акценты, выделив в биополитике одну из ведущих тенденций: в ней содержится

способ восприятия вещей, который организуется вокруг нормы, т. е. пытается отделить нормальное от ненормального, что совершенно не совпадает с законным и незаконным; юридическая мысль различает законное и незаконное, медицинская мысль различает нормальное и ненормальное; она наделяет себя, она пытается наделить себя средствами исправления, которые нельзя назвать в полном смысле средствами наказания, но можно назвать средствами преобразования индивида; с этим связана целая технология поведения человеческого существа (Фуко 2006: 14).

По словам А.В. Дьякова, «контроль общества над индивидами осуществляется не только через сознание и идеологию, но через тело и в теле» (Дьяков 2010: 296).

Делёз называл Фуко философом заточения (Делёз 1988: 69), в реальности же и биополитика, по Фуко, это своего рода продолжение философии заточения: она не выпускает человека, держит его

мертвой хваткой – важны не его поступки и события, которые он самостоятельно интегрирует, важно то, что он удерживает в своем собственном сознании – такое необходимое для власти и в то же время такое эфемерное, недоступное, неуловимое, находящееся «в заточении» сознания, рациональности, обладания. Речь идет о знании. Не утилитарном и атрибутивном, привязанном к социальной реальности и повседневной жизни, а знании в его онтологическом смысле. Здесь возникает известная литературная аналогия «горя от ума», находящая свое подтверждение в умозаклчениях Фуко. Правда, в отличие от художественного ракурса, знание порождает страдание по «вине тех, кто охотится за этим знанием, чтобы узнать истину о том, как устроен мир и что в нем происходит вопреки воли и желаниям субъектов и обществ» (Bracken, Thomas 2005: 99).

Когда мы рассматриваем биополитику в исследовательском дискурсе Фуко, всегда есть опасность перейти на сторону медиализации политического опыта, иными словами: обнаружить такие точки сопряженности биополитики и медицины, в которых первой будет предписано «конструирование безумия» (Фуко 2006: 62), а второй – удержание знания вопреки психиатрическому давлению и медицинскому произволу (Foucault 1980: 171). Понятное дело, что Фуко и сам неоднократно уклоняется то в одну сторону, то в другую (как известно, тема медицины и в ее свете проблематика безумия надолго занимали внимание мыслителя) – ему постоянно приходится доказывать, что биополитика – это вовсе не дань медицинской моде и не ее продолжение. Так, например, он приводит убедительные аргументы в пользу положения о том, что и психиатрическая власть сродни политике:

не будучи еще лечением, терапевтическим вмешательством, является прежде всего управленческой, административной деятельностью; это некоторый режим – или, точнее говоря, поскольку это режим, от него ожидают ряда терапевтических эффектов; это режим изоляции, регулярности, это распорядок дня, это продуманная система скудостей, это обязанность трудиться и т.п. (Фуко 2007: 203).

Что касается биополитики, то и она нередко приравнивалась к психиатрической власти:

в тело проникнуть легко, но в сознание, чтобы вырвать из его тисков то, что так необходимо любой власти, многократно сложнее, поэтому биополитика как психиатрия должна удерживать свой властный потенциал (Foucault 1980: 179).

Страдание – бесспорно, тема Фуко, и она вписывается в «пространство» биополитики достаточно основательно. Как считает Р.Брюгман, биополитика в любом случае вызывает страдание, а Фуко «лишь удалось этот факт зафиксировать как непреложный» (Bruegmann 1979: 210-211). В концепции мыслителя страдание через призму биополитики разворачивается в следующих двух основных ракурсах:

(1) Страдание может быть социальной практикой «заботы о себе» – она сосредоточивает внимание субъектов на противодействии трудной жизни и конфликтности, но в то же время, как замечают исследователи,

с точки зрения Фуко, общая цель всех этих практик себя, несмотря на различия между ними, определялась единым ключевым принципом – обращением к себе, в результате которого достигается умение властвовать над собой, над собственными желаниями и удовольствиями, опыт возвращения к себе самому, обладания собой (Гаджикурбанова 2009: 39).

Таким образом, власть над собой и параллельно власть над другими, являющаяся собственно объектом биополитики, определяет страдание как неотъемлемую характеристику человеческого бытия, его предельность. Иными словами: нет необходимости идентифицировать страдание, отыскивая его в действиях и эмоциях субъектов, если «запущен маховик биополитики».

(2) Страдание расширяет горизонты познания действительности, способствует формированию ценного для субъекта и общества знания, например, не детерминированного различными экономическими и политическими событиями и проблемами, а возникшего как отклик на переживание бытия, – такое знание представляет интерес для биополитики, не симулирует реальность и не искажает ее в оптике царящих в мире и в государствах режимов и конструкций власти, а дает четкие границы миропорядка и мироустройства. В этом смысле бесспорно то, что

биополитика выжидает доступ к знанию – такому, которое раскрывает единение индивида с миром, а не его поляризацию и деструкцию, а вот далее биополитика, получив доступ к такому знанию, вполне способна им распорядиться деструктивно и асоциально, возможно, даже преступно (Downing 2008: 78).

Как видим, идея Фуко о роли и предназначении биополитики вполне «укладывается» в проблематику страданий; сам мыслитель неоднократно определял меру страданий в зависимости от отклика субъектов на происходящие события, но еще существеннее для него было подчеркнуть влияние действенных ресурсов биополитики на индивидов, например, посредством психиатрической власти (Фуко 2002; Фуко 2007) и более того – института клиники в целом (Фуко 1998) (Дмитрий Михель называл Фуко «не только участником этого ”медицинского поворота” в социально-гуманитарных науках, но и одним из его лидеров» (Михель 2019: 65)).

Заключение

Страдание при всей кажущейся его беспредельности все же на уровне междисциплинарных исследований (социальных, политических, социокультурных) предстает как феномен в своей собственной предельности. Она может носить и чувственно-эмоциональный характер, но также иметь и ценностно-нормативные и иные пределы. Немаловажен вопрос и о субъектности страданий – все ли страдают одинаково интенсивно, что является градиентом проявленности страданий и т.д. Вопросов достаточно много, мы лишь коснулись некоторых из них, однако в целом следует признать, что есть еще лакуны, требующие заполнения.

На уровне междисциплинарных исследований страдания очерчивается круг следующих вопросов: возможно ли соотнести страдание с мерой ответственности государства, режима или конкретного человека; каково осознание вины и степень проявленности страданий в коллективном и индивидуальном выражении и т.д.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Аристотель. Никомахова этика [электронный ресурс]. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Aristotel_Nikomakhova.pdf (дата обращения 16.01.2024).

Гаджикурбанова П.А. «Духовные упражнения» или «забота о себе» (стоическая этика в интерпретации П. Адо и М. Фуко) // Этическая мысль. 2009. № 9. С. 27-42.

Делёз Ж. Фуко. М.: Издательство гуманитарной литературы, 1988. 172 с.

Дьяков А.В. Мишель Фуко и его время. СПб.: Алетейя, 2010. 672с.

Жюслен Ш. Человек страдающий / пер. Ф.Г. Майленовой // ПРАЕНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2023. № 1 (35). С. 130-139. DOI: 10.23951/2312-7899-2023-1-130-139

Ингхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития М.: Новое издательство, 2011. 464 с.

Лехциер В.В. Emplotment и терапевтическое взаимодействие: феноменологические мотивы в медицинской антропологии Черил Маттингли // HORIZON. 2017. № 6 (1). С. 140-160. DOI: 10.21683/2226-5260-2017-6-1-140-160

Льюис К. Страдание // Этическая мысль: научно-публицистические чтения. 1991. М.: Республика, 1992. С. 375-442.

Лэнгле А. Почему мы страдаем? Понимание, обхождение и обработка страдания с точки зрения экзистенциального анализа // Национальный психологический журнал. 2016. № 4 (24). С. 23-33. DOI: 10.11621/npj.2016.0403

Мишель Д. Мишель Фуко и западная медицина // Логос. 2019. Т. 29. № 2. С. 64-81. DOI: 10.22394/0869-5377-2019-2-64-78

Мюллер-Лиер Ф.К. Социология страданий. М.-Л.: Земля и Фабрика, 1925. 269 с.

Попов Е.А. Поиск оснований социологии страданий: между экзистенциальным и социальным опытом // Социологический журнал. 2024. Т. 30. № 1. С. 8-25. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.1.1

Попов Е.А. Потенциал современной зарубежной социологии в исследовании социального страдания // Вестник Санкт-Петербург-

ского университета. Социология. 2022а. Т. 15. № 3. С. 206-223. DOI: 10.21638/srbu12.2022.302

Попов Е.А. Пределы человеческого страдания и его субъектность // Человек. 2022б. Т. 33. Вып. № 5. С. 7-25. DOI: 10.31857/S023620070022789-4

Фуко М. Безумие и общество // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избр. полит. ст., выступ. и интервью. Ч. 1. М.: Праксис, 2002. С. 7-18.

Фуко М. Власть, великолепный зверь // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избр. полит. ст., выступ. и интервью. Ч. 3. М.: Праксис, 2006. С. 7-26.

Фуко М. Полемика, политика и проблематизация // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избр. полит. ст., выступ. и интервью. Ч. 3. М.: Праксис, 2006. С. 55-65.

Фуко М. Психиатрическая власть: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973-1974 учебном году / пер. с фр. А.В. Шестакова. СПб.: Наука, 2007. 450 с.

Фуко М. Рождение клиники. М.: Смысл, 1998. 310 с.

Bogusz T. *Experimentalism and Sociology: From Crisis to Experience*. London: Springer, 2022. 230 p.

Bracken P., Thomas P. *Postpsychiatry: Mental health in a postmodern world*. Oxford: Oxford University Press, 2005. 179 p.

Bruegmann R. Review: Michel Foucault et al., *Les Machines à Guérir (aux origines de l' hôpital moderne)* / *Journal of the Society of Architectural Historians*. 1979. Vol. 38. № 2. P. 210-211.

Caplan P. (ed). *Risk Revisited*, London: Pluto, 2000. 113 p.

Downing L. *The Cambridge Introduction to Michel Foucault*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 190 p.

Farmer P. *On Suffering and Structural Violence: A View from Below* // Kleinman A. Das V., Lock M. *Social Suffering*, Berkeley: University of California Press, 1997. P. 89-123.

Foucault M. *The Politics of Health in the Eighteenth Century* // *Idem. Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings 1972-1977* / C.Gordon (ed.). N.Y.: Pantheon Books, 1980. P. 166-182.

Good B.J. *Medicine, Rationality, and Experience. An Anthropological Perspective*. New York: Cambridge University Press, 1994. 242 p.

Gordon P.E. *Social Suffering and the Autonomy of Art* // *New German Critique*. 2021. Vol. 48(2). 3. 125-146. DOI: 10.1215/0094033x-8989288

Kleinman A., Kleinman J. Suffering and its Professional Transformation: Toward an Ethnography of Interpersonal Experience // Culture, Medicine and Psychiatry. 1991. Vol. 15(3). P. 275-301.

Kleinman A., Kleinman J. The Appeal of Experience; The Dismay of Images: Cultural Appropriations of Suffering in Our Times // Kleinman A., Das V., Lock M. (eds). Social Suffering. Berkeley: University of California Press, 1997. P. 66-80.

Kourdis E. The Notion of Code in Semiotics and Semiotically Informed Translation Studies. A Preliminary Study // Readings in Humanities. 2018. Vol. 3/5. P. 311-325. DOI:10.1007/978-3-319-66914-4-21

Wilkinson I. Social suffering and the new politics of sentimentality // Routledge International Handbook of Contemporary Social and Political Theory. 2021. № 4. P. 489-500. DOI: 10.4324/9781003111399-41

Conceptualization of suffering in interdisciplinary research

Evgeny A. Popov – Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Sociology and Conflictology. Altai State University. Barnaul, Russia.
E-mail: popov.eug@yandex.ru

Abstract. The theme of suffering is revealed in the framework of interdisciplinary research. Priority is given to the results of the study of this phenomenon by philosophers, sociologists (sociology of suffering), and cultural scientists. The interdisciplinary aspect allows us to look at the problems of suffering from the point of view of its limits and subjectivity. In turn, it is these characteristics that are aimed at identifying the features associated with the transformation of being, response to conflict, social and political tension in the world and specific loci. At the same time, the article focuses on comparing the achievements of sociologists and philosophers, and above all Michel Foucault in his concept of biopolitics. In addition, the analysis of the material was carried out using two key approaches – interiorization and socio-cultural. The first perspective opens up prospects for the study of suffering as a result of the accumulated social

and existential experience of the subject. The second approach allows us to reveal the value-normative content of human suffering. Ultimately, the main conclusion boils down to the need for a comprehensive analysis of suffering.

Keywords: suffering, social experience, existential experience, Foucault and biopolitics, interiorization, sociology of suffering.

References

Aristotle. *Nikomakh's ethics* [electronic resource]. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Aristotel_Nikomakhova.pdf (date of application: 16/01/2024).

Hajikurbanova, P.A. (2009) "Spiritual exercises" or "self-care" (stoic ethics in the interpretation of P. Ado and M. Foucault). *Ethical thought*. No. 9. pp. 27-42.

Deleuze, J. (1988) *Foucault*. Moscow, Publishing House of Humanitarian Literature. 172 p.

Dyakov, A.V. (2010) *Michel Foucault and his time*. St. Petersburg, Aleteya. 672 p.

Julien, S. (2023) The suffering man / per. F.G. Mailenova. *ИПАЭНМА. Problems of visual semiotics*. No. 1(35). P. 130-139. DOI: 10.23951/2312-7899-2023-1-130-139

Inglehart, R., Welzel, K. (2011) *Modernization, cultural change and democracy: The sequence of human development*. Moscow, New Publishing House. 464 p.

Lekhtsier, V.V. (2017) Emplotment and therapeutic interaction: phenomenological motives in medical anthropology by Cheryl Mattingly. *HORIZON*. No. 6(1). P. 140-160. DOI: 10.21683/2226-5260-2017-6-1-140-160

Lewis, K. (1992) Suffering. In: *Ethical thought: scientific and journalistic readings*. 1991. Moscow, Respublika. P. 375-442.

Langle, A. (2016) Why do we suffer? Understanding, dealing with and processing suffering from the point of view of existential analysis. *National Psychological Journal*. No. 4(24). P. 23-33. DOI: 10.11621/npj.2016.0403

Michel, D. (2019) Michel Foucault and Western medicine. *Logos*. Vol. 29. No. 2. P. 64-81. DOI: 10.22394/0869-5377-2019-2-64-78

Muller-Lier, F.K. (1925) *Sociology of suffering*. Moscow-Leningrad, Land and Factory. 269 p.

- Popov, E.A. (2024) The search for the foundations of the sociology of suffering: between existential and social experience. *Sociological Journal*. Vol. 30. No. 1. P. 8-25. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.1.1
- Popov, E.A. (2022a) The potential of modern foreign sociology in the study of social suffering. *Bulletin of St. Petersburg University. Sociology*. Vol. 15. No. 3. P. 206-223. DOI: 10.21638/spbu12.2022.302
- Popov, E.A. (2022b) The limits of human suffering and its subjectivity. *Man*. T. 33. Is. 5. P. 7-25. DOI: 10.31857/S023620070022789-4
- Foucault, M. (2022) Madness and society. In: Foucault, M. *Intellectuals and power: Elected political art., protrusion. and interviews*. Part 1. Moscow, Praxis. P. 7-18.
- Foucault, M. (2006) Power, the magnificent beast. In: Foucault, M. *Intellectuals and power: Elected political art., protrusion. and interviews*. Part 3. Moscow, Praxis. P. 7-26.
- Foucault, M. (2006) Polemics, politics and problematization. In: Foucault, M. *Intellectuals and power: Elected political art., protrusion. and interviews*. Part 3. Moscow, Praxis. P. 55-65.
- Foucault, M. (2007) *Psychiatric power: A course of lectures delivered at the College de France in the 1973-1974 academic year* / trans. by A.V. Shestakov. St. Petersburg, Nauka. 450 p.
- Foucault, M. (1998) *The birth of the clinic*. Moscow, Sense. 310 p.
- Bogusz, T. (2022) *Experimentalism and Sociology: From Crisis to Experience*. London, Springer. 230 p.
- Bracken, P., Thomas, P. (2005) *Postpsychiatry: Mental health in a postmodern world*. Oxford, Oxford University Press. 179 p.
- Bruegmann, R. (1979) Review: Michel Foucault et al., *Les Machines à Guerir (aux origines de l' hôpital moderne)*. *Journal of the Society of Architectural Historians*. Vol. 38. № 2. P. 210-211.
- Caplan, P. (ed). (2000) *Risk Revisited*. London, Pluto. 113 p.
- Downing, L. (2008) *The Cambridge Introduction to Michel Foucault*. Cambridge, Cambridge University Press. 190 p.
- Farmer, P. (1997) On Suffering and Structural Violence: A View from Below. In: Kleinman, A. Das, V., Lock, M. *Social Suffering*. Berkeley, University of California Press. P. 89-123.
- Foucault, M. (1980) The Politics of Health in the Eighteenth Century. In: *Idem. Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings 1972-1977*. C.Gordon (ed.). New York, Pantheon Books. P. 166-182.

- Good, B.J. (1994) *Medicine, Rationality, and Experience. An Anthropological Perspective*. New York, Cambridge University Press. 242 p.
- Gordon, P.E. (2021) Social Suffering and the Autonomy of Art. *New German Critique*. Vol. 48(2). P. 125-146. DOI: 10.1215/0094033x-8989288
- Kleinman, A., Kleinman, J. (1991) Suffering and its Professional Transformation: Toward an Ethnography of Interpersonal Experience. *Culture, Medicine and Psychiatry*. Vol. 15(3). P. 275-301.
- Kleinman, A., Kleinman, J. (1997) The Appeal of Experience; The Dismay of Images: Cultural Appropriations of Suffering in Our Times. Kleinman, A., Das, V., Lock, M. (eds). *Social Suffering*. Berkeley, University of California Press. P. 66-80.
- Kourdis, E. (2018) The Notion of Code in Semiotics and Semiotically Informed Translation Studies. A Preliminary Study. *Readings in Humanities*. Vol. 3/5. P. 311-325. DOI:10.1007/978-3-319-66914-4-21
- Wilkinson, I. (2021) Social suffering and the new politics of sentimentality. *Routledge International Handbook of Contemporary Social and Political Theory*. № 4. P. 489-500. DOI: 10.4324/9781003111399-41

Статья поступила 18.01.2024
Принята к публикации 28.06.2024